

УДК 821.111(430)

**МОТИВ МАТЕРИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ
РОЗЫ АУСЛЕНДЕР**

Викирчак И.А.

В статье рассматривается англоязычный сегмент поэзии известной немецкоязычной поэтессы Розы Ауслендер. На примере трех стихотворений из англоязычной книги «Запретное дерево» анализируется образ матери. Стихи на английском языке принадлежат к третьему периоду творчества Ауслендер, который стал посттравматическим в жизни поэтессы: пережитое в черновицком гетто и смерть матери оставили глубокий след в душе и вызвали смену языка творчества поэтессы. Поиск связи с матерью через поэзию: отчаяние, надежда на воссоединение с родным немецким языком, Буковиной – такими мотивами образ матери сопровождается в творчестве Ауслендер этого периода.

Ключевые слова: Роза Ауслендер, «Запретное дерево», эмиграция, образ матери, Нью-Йорк, Черновцы, Холокост, Отечество, травма.

**THE FIGURE OF THE MOTHER IN THE ENGLISH POETRY
BY ROSE AUSLANDER**

Vikyrchak I.O.

The article describes the English poetry of a well-known German-language poet Rose Auslander. Through the example of three poems from the English-language book “The Forbidden Tree” the article analyses the figure of the mother. The English poetry belongs to the third period of Auslander's writing; it was also post-traumatic period in her life: experiences of Chernivtsi ghetto and the death of her mother left a deep scar in the soul of the poetess and caused the change of the language in the poet's creativity. The search of the contact with her mother through the poetry – despair, hope for the reunion with her native German language, and with Bukovina are the main motifs accompanying the figure of the mother in Auslander's poetry of this period.

Keywords: Rose Auslander, “The Forbidden Tree”, emigration, figure of the mother, New York, Chernivtsi, Holocaust, Motherland, trauma.

Среди мотивов англоязычной поэзии Розы Ауслендер наиболее распространены биографические мотивы. Как и в немецкоязычной поэзии, особое место занимают стихотворения, созданные на темы еврейских традиций, религиозных ритуалов хасидизма или рефлексии, навеянные библейскими сюжетами. Происхождение этих мотивов связано с воспитанием Розы в еврейской семье – ее отец был учеником знаменитого садагурского ребе. Жизнь Розы Ауслендер была полна и трагического опыта (черновицкое гетто, преследования, депортации), который она передала в сборнике стихов «Ghettomotive» («Мотивы гетто»). Эти переживания в реальной жизни находят воплощение в поэзии через образы смерти [3, с. 277-288].

Но особенное место в поэзии Розы Ауслендер занимает образ матери, близкого человека, который был для нее также символом родного языка и родины. Мы рассматриваем стихи посттравматического периода, созданные в Нью-Йорке между 1947 и 1956 годами на английском языке.

Черновицкая исследовательница Оксана Матийчук выделила пять этапов в творчестве Розы Ауслендер. Первый, «ранний» период относится ко времени выхода дебютного поэтического сборника «Der Regenbogen» («Радуга») в 1939 году в Черновцах. К этому времени, молодая Роза Ауслендер уже успела дважды по несколько лет пожить в США, что сопровождалось, конечно, культурным шоком. Поэзии этого времени имеют экспрессионистические черты. Цикл поэзий «Нью-Йорк» написан под влиянием поэзии немецкого поэта-экспрессиониста Георга Гайма. В начале своей поэтической деятельности, Ауслендер придерживается традиционной строфики, размера, рифмы. Второй период приходится на темные времена в жизни поэтессы – это время пребывания в черновицком гетто. Далее наступает время проживания в Америке и написание стихов на английском языке. Четвертым периодом О.

Матийчук называет «поздний период творчества», во время которого происходит возврат к немецкому языку и переход к современной поэзии [1].

На протяжении этих четырех периодов в творчестве эволюционируют и изменяются стилевые и формальные характеристики стихов. От традиционных и экспрессионистских в первый период творчества до верлибров в последнее время. В свою очередь, период стихов на английском языке был переходным, экспериментальным.

Со времени американской эмиграции между 1947 и 1956 годами на творчество Розы Ауслендер влияют американские лирики, среди которых Уоллес Стивенс, Томас Стернз Элиот, Эдвин Естлин Каммингз и Марианна Мур. Эти влияния прослеживаются через детализированное внимание к физическому миру (Марианна Мур), экспериментирование с формами (Эдвард Естлин Каммингз), размышлениями о назначении поэзии и воображения (Уоллес Стивенс) и др.

Англоязычную лирику Розы Ауслендер можно считать «побочным эффектом» ее постоянных переездов и жизни на двух континентах. Или же прагматичным подходом к созданию поэзии в англоязычной среде, где «нет места для восприятия поэзии» [5, S. 217]. Но, главным образом, исследователи поэзии связывают этот феномен с «отрицанием немецкого языка», способом пережить травмы Холокоста и войны [2].

Биограф Ауслендер Цилле Гельфрих считает, что еще одним важным травматическим опытом для поэтессы было известие о смерти ее матери. В 1946 году Р. Ауслендер едет в Америку с намерением организовать документы приезда также для матери и брата, но физическая слабость и психологическая усталость не дают ей сделать это. В 1947 году в румынском городе Сату-Маре уходит из жизни ее мать, и поэтесса чувствует вину за то, что не успела забрать мать к себе и не смогла проститься с ней. Для Розы Ауслендер мать была символом родины, любви и родного языка. Это была еще одна, глубокая трагедия, которая заставила поэтессу сначала замолчать на целый год, а потом писать на английском [5, S. 206-208].

В это время американская поэтесса Марианна Мур, с которой Роза Ауслендер знакомится на конференции писателей, становится ее близкой подругой и наставницей на поэтическом поприще. Мур была тем человеком, который понимал истинные причины изменения языка буковинской поэтессы и, в конце концов, смогла убедить ее снова вернуться в лоно родного немецкого. Мур понимала, что этот язык стал теперь для Р. Ауслендер враждебным, потерял для нее свою оригинальную ценность, свою душу, крепко связанную с образом матери. Именно поэтому после смерти матери поэтесса не могла сочинять на немецком и перешла на английский [7, S. 166].

Как считает Франческа Мелини, Мур удалось вернуть Ауслендер в родной немецкий язык, потому что она смогла, в первую очередь, воссоздать фигуру матери в сознании Ауслендер. В переписки поэтесс Мур убеждает Ауслендер, что только через ее веру в присутствие матери в поэзии, ей удастся «вернуть душу» немецкому языку. Мур очень хорошо понимала, что значит потерять мать, с которой и сама имела очень тесные отношения и потеряла ее в том же году, что и Ауслендер. Возможно, именно поэтому две женщины нашли родственные души друг в друге. Благодаря Мур, Ауслендер открыла для себя пространство, где мать и дочь снова могли встретиться – в поэзии [7, S. 169].

Матери, которая была символом языка и родины, Роза посвящает англоязычное стихотворение «Mother» («Мать»), в котором поэтесса переживает свою потерю. Стихотворение читается как некролог:

MOTHER

*Each particle of my emotion strives
to spell your name with capitals of stars
in constellation of maternal lives.
Whether in peace-time or in time of wars:
your nature was a compromising radiance.
All variations on a subtle theme
were in your gestures, in your countenance.
You moved between reality and dream.*

*But you are veiled. Your face, eclipsed by shade,
grows thin and pale. You and my letter fade.
Where are the stars? Where's your serenity?
I am unworthy to describe you. I
have failed. I spell you with a tear, a sigh.
You stand between dream and reality [4, S. 112].*

Стихотворение «Mother» («Мать») состоит из двух строф: в первой с явным эмоциональным подъемом считываем любовь к матери, восхищение ее жестами, лицом, внутренним сиянием. Во второй строфе – наоборот, будто переходим в серое подземное царство, образ матери скрывается за ширмой, лицо затемнено тенью, бледное. Звезды, которыми было «выложено имя» матери в первой строфе, исчезают, а лирическое «я» считает себя «недостойным» даже говорить об умершей. Обе строфы заканчиваются подобными строками: «ты двигалась между реальностью и сном» и «ты стоишь между сном и реальностью», будто сознание отказывается до конца принять факт потери и смириться с ним.

Фигура матери в поэзии Аусслендер подвергается мистификации, становится метонимией для беззаботного детства, для потерянной Буковины и Габсбургской Австрии, олицетворяет для дочери то, что является самым ценным, важной памятью [6, S. 114].

В стихотворении «The Foghorn» («Туманный горн»), лирическая героиня приходит в гавань, затянутую туманом, где в густой атмосфере ей мерещатся серебряные волосы матери:

THE FOGHORN
*I am groping for a hope in the misty harbor.
The foghorn screams despair and naked fear.
Mother whispers through bridges to night-corners
and shakes her silver hair of atmosphere.*

Electric gulls touch time at the edge of sinking.

I am groping for a hope at the shake shore.

Mother is lost in my abysmal thinking.

Wind weeps with me in fog without a core.

I am accused of crimes I cannot distinguish

in sultry air, in a shipwreck's bitter room.

Mother whispers through bridges in broken language.

The foghorn screams like a baby piercing the womb [4, S. 63].

Туманный горн – это специальное морское устройство для подачи звукового сигнала в условиях низкой видимости. Тягучий, низкий, очень характерный звук, который издает этот прибор под воздействием волн и потоков воздуха, предупреждает навигаторов о приближении других судов или присутствии возможных опасностей. Именно поэтому уже само название стихотворения создает очень конкретную атмосферу благодаря ассоциациям со звуком туманного горна: берег моря, шум волн, густой туман и нерегулярные, затяжные звуковые сигналы горна. К звуковой картине во второй строфе также добавляются тревожные, «наэлектризованные» крики чаек. Среди этой картины лирическая героиня пытается «нащупать надежду» – во многих других стихотворениях этого периода Ауслендер ассоциирует надежду на воссоединение с родиной с рекой, водой, как, например, в стихотворении «Here is My Place» (Вот мой дом) [4, S. 78]. «Отчаяние и голый страх» слышатся героини в голосе горна вместо ожидаемой надежды. «Ветер плачет со мной», «туманный горн кричит как младенец» – эти образы дополняют атмосферу отчаяния, боли, потери, которыми не с кем поделиться в пустой гавани.

Третья строчка каждой строфы начинается словом «Мать»:

I. «Мать шепчет над мостами в ночные закоулки и встряхивает серебряными волосами воздух».

II. «Мать потеряна в моих бездонных мыслях».

III. «Мать шепчет над мостами на ломаном языке».

Образ матери будто растворяется в воздухе, в тумане. Шепот матери становится звуком туманного горна, а волосы – серебряным туманом. Мировоззрение Розы Ауслендер, сформированное под влиянием хасидских верований о реинкарнации, о совместной душе всего живого позволяет ей представлять такие образы.

Ломаная речь – это всегда признак прибывших, иностранцев, чужаков, символ тех, кто пытается, но никогда так и не может адаптироваться к жизни в новой стране, также ассоциируется с чувством непринадлежности. Ломаная речь всегда выдает иностранцев в чужой стране. Возможно, Ауслендер представляет, как было бы матери сложно адаптироваться к жизни в Америке, если бы удалось ее «увезти» в Нью-Йорк. Угрызания совести порождают в ее воображении альтернативные варианты реальности, которым находится место в «бездонных мыслях».

В третьей строфе также говорится о «преступлениях», в которых ее обвиняют и которые она сама не может определить «в душном воздухе каюты разбитого корабля». Корабль является еще одним символом надежды в сознании Р.Ауслендер, как уже в упомянутом выше стихотворении «Here is My Place» (Вот мой дом). Здесь же наше воображение попадает в атмосферу безвозвратно разбитых надежд, а чувство вины передается неизвестными самой автору «преступлениями».

Главной темой стихотворения «Go, Go Return» (Иди, иди, возвращайся) является момент прощания с родиной. Буковина и Черновцы, места, которые Ауслендер должна была покинуть. Но, скорее, это Родина ее покинула, через оккупацию и последующие исторические события. «Каждую ночь ты оставляешь свою мать и покидаешь свою землю» – эти строки снова звучат угрызениями совести после бегства:

*Go, go with the moon
to the mild destiny of love,
with more distant star-guides
to new*

*constellations of
your divided and multiplied self.*

*Night after night
you leave your mother
and desert your land [4, S. 72].*

В то же время лирическая героиня, покидая свою землю, не имеет конкретного маршрута, ее проводники – луна и звезды, а цель – абстрактные понятия, такие, как любовь, судьба. Но поэтесса также испытывает и потерю себя, потерю своей целостности, к которой приведет такое путешествие-бегство: *to new / constellations of / your divided and multiplied self* («к новым / созвездиям / твоего разделенного и умноженного «я»»).

«Каждую ночь» – *night after night* – свидетельствует о повторяющемся действии, похожем на повторяющийся сон, который приходит каждую ночь. Как будто время отныне нелинейное, автор синхронизирует свое настоящее и свое прошлое, разделяя их на временные ступеньки различных периодов своей жизни.

Как видим, образ матери в англоязычной поэзии Розы Ауслендер сложный и трагичный. В стихотворениях, проанализированных в этой статье, он сопровождается угрызениями совести, попытками пережить потерю, поиском надежды. Пытаясь преодолеть травму страшного опыта военных лет, Р. Ауслендер поэтически переживает смерть близкого человека, который также был ключевым символом родного языка и родины. На этом сложном пути ее сопровождала американская поэтесса Марианне Мур, которая не просто поддерживала ее, но и помогла снова найти пространство для душевного покоя и встречи с матерью в поэзии.

Список литературы:

1. Матійчук О. М. Генеза поетичного тексту в творчості Рози Ауслендер : автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.01.04 – література зарубіжних країн / Матійчук Оксана Михайлівна. – Київ, 2009. – 20 с.
2. Рихло П.В. Історія і людська доля в німецькомовній ліриці Буковини / Петро Васильович Рихло // Голокост і сучасність. – 2010. – № 2. – С. 79-98.
3. Рихло П.В. Шібболет. Пошуки єврейської ідентичності в німецькомовній поезії Буковини: Наукова монографія / Петро Васильович Рихло. – Чернівці: Книги – XXI, 2008. – 304 с.
4. Ausländer Rose. The Forbidden Tree. Englische Gedichte. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verl., 1995. – 282 S.
5. Helfrich Cilly. Rose Ausländer. Biographie. – Zürich: Pendo Verlag AG, 1998. – 365 S.
6. Kłańska Maria. Między pamięcią a wyobraźnią. Uniwersum poezji Rose Ausländer / Maria Kłańska. – Wrocław: Oficyna Wydawnictwa ATUT, 2015. – 419 s.
7. Melini F. Marianne Moore und Rose Ausländer: Chronik einer Freundschaft / Francesca Melini // Zeitschrift der Germanisten Rumäniens. Dokumentar zum VII. Kongress der Germanisten Rumäniens 2006. – București: GGR & Editura Paideia, 2007. – S. 162-174.

Сведения об авторе:

Викирчак Ирина Александровна – аспирантка кафедри літератури и теории літератури Черновицкого національного университета имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина).

Data about the author:

Vikyrchak Iryna Oleksandrivna – postgraduate student of Literature and Theory of Literature Department, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine).

E-mail: i.vikyrchak@gmail.com.